

К СОЛНЦУ — НА ЛАДОНИ

... Отца своего он никогда не видел, не знал и не помнил. Мама вышла замуж за отчима уже с двумя детьми на руках, Сашеньке Федорову было тогда около двух лет. Мальчонка принял его сразу, всем сердцем, безоговорочно, и слово «папа» легко и с восторгом слетало с его языка.

А отчим хоть и пришел с Великой Отечественной инвалидом третьей группы, выглядел весьма внушительно: крепкий такой мужик метра под два ростом, косая сажень в плечах...

«Бывало, возьмет меня на руки, да и протянет вверх на ладони, прямо к солнцу, что мне очень нравилось...»

Любимым занятием отчима по вечерам было плести дома сети. Когда-то он работал бригадиром в рыбоартели, и все речные хитрости были ему знакомы. Так и просиживали часами: на коленях — мальчонка, в одной руке — игла, в другой — леска. Брал он с собой Сашка и на путину, так что вкус речной рыбы, плоть до самых элитных сортов, запомнился и полюбился Саше Федорову с тех самых пор на всю жизнь. Как и закрепившаяся привычка то сесть сплести, то сачок какой-нибудь — это уже в крови.

Родителями, которых все в деревне уважали, он откровенно гордился. И потому охотно и учился, и рыбу ловил, и помогал на солидном по тем временам личном подворье: и шерсть, и масло, и молоко они и государству сдавали, и самим оставалось вдосталь. Он и пахать учился всерьез, по-настоящему. И немудрено: мама работала на колесном тракторе в МТС. И когда он прибегал к ней на полевой стан, она водружала ему на нос защитные очки, чтобы глаза пылью не заедало, и доверяла управление умной, трескучей машиной.

Впрочем, и на детские забавы и шалости времени у него хватало. А уж примерным поведением Саша Федоров не отличался точно. Вечно тянуло его на какие-нибудь проказы: то доску натрет чесноком, то сугроб навалит лопатой прямо над коньком директорской двери, да так, что тот полдня в школу выбраться не может. Или выроет весной на тропе яму, которая тут же заполняется талой водой, а сверху ее замаскирует, да еще и следы проложит. Идет-идет по такой тропке былиночка-учительница, да вдруг и — раз! — вся мокрая, надо бежать переодеваться. Удавались и фокусы с представленным к лампочке (а они были тогда в большом дефиците!) хлебным мякишем: рано или поздно происходило замыкание. Тогда еще границы между «плохо» и «хорошо» Сашка не различал и после каждого сорванного урока чувствовал себя настоящим героем.

И пусть те годы не отличались беззаботностью, зато они были наполнены каким-то особым смыслом. У него была настоящая, крепкая семья, надежный тыл. И мозаика его детства, казалось, складывалась только из счастливых мгновений... К тому же у матери с отчимом появился, наконец, и общий ребенок, а у Сашки — вторая, младшенькая, сестренка...

НЕПОТУШЕННЫЙ ОКУРОК

Ей исполнилось месяцев семь в тот страшный, переломный для всей семьи год. А Саше Федорову было тогда девять лет от роду.

Они жили на Алтае, в селе Калманка близ Барнаула. Мама запомнилась ему отчаянно молодой: младше отчима она была значительно. А тот работал чабаном, летом уезжал в сопки, уходил на выгон, где подолгу пас стада, иногда не бывая дома по месяц-полтора. В этом, вероятно, отчасти и крылась причина дальнейшей трагедии.

Во время одной из таких отлучек случилось непоправимое: мама увлеклась кем-то из молодых односельчан, кто-то, где-то их вместе увидел, а уж слух о романе разлетелся по деревне мгновенно. Как раз под Новый год он дошел и до отчима. Тот, натура цельная и постоянная, от жгучей ревности и обиды вспыхнул, как солома от огня.

... Детали, видимо, от перенесенного шока, из Сашкиной памяти стерлись. Но до сих пор ему порой слышится, как стонет мать: «Шурка, помоги мне, Шурка, помоги! Отец убивает...». Он и понять ничего не успел, только слышал глухие – один за другим, как будто вальком по белью стучат – удары.

Выбежал в сени, а там – отчим, белый от ярости, колотит по матери поленом.

Кричал: «Папка, не надо!»

Хватал сзади за руки.

Тянул за шею.

Не разбирая дороги, бросился за помощью к соседям, а когда они, замешкавшись, не открыли дверь, разбежавшись, шагнул в дом через окно, весь изрезался и ... как будто потерял дар речи, а, придя в себя, начал заикаться.

И заикался четыре года.

Потом – скорая, милиция, последние, перед уходом, слова отчима: «Где сын? Смотрите, чтоб не заморозился...»

И – обезображенное, страшное, все – в сплошных синяках и ссадинах, а когда-то – такое красивое, – лицо мамы.

Месяца два или три она пробыла в больнице – как раз до суда. А Сашку на это время взяли к себе пожить односельчане, да попрекнули как-то куском хлеба. Гордый сызмальства, он быстро понял, что «в людях» не уживется и сел на первый же попавшийся поезд. Воровать не умел, так что заметить мальчонку, с надеждой вопрошавшего: «Дяденька-тетенька, дай кусок хлеба», было делом несложным.

Его поймали, вернули домой, а там – мать. «Давай, – говорит, – сынок, возьмем себе квартиранта. Вдруг отец из тюрьмы сбежит? Все не так страшно! Да и деньги какие-никакие будут...»

Он молчаливо соглашался до тех пор, пока не вытащил непотушенный окурок из сестренкиной люльки, прямо с ее подушки. И пока не понял, что квартиранты, сменяющие один другого, вовсе не так безобидны. После одной из ночных сцен, невольным свидетелем которой стал Саша, он понял, наконец: «Вот отчего папка-то ее избил!»

Только и сказал тогда матери: «Ты ведь мне все врешь!» И убежал из дома, чтобы никогда больше туда уже не вернуться...

Конечно, его опять схватили, правда, не столь быстро, как в первый побег. На все вопросы угрюмый и замкнутый паренек отвечал однозначно: «Ни дома, ни родителей, никого у меня нет!» Так его и определили сначала – в детский приемник, а потом – не в детдом даже, а в детскую колонию.

«Вот так, до того, как исполнилось шестнадцать, я сменил одну за другой три колонии. Тогда-то и стал формироваться у меня характер: надо было выжить любыми путями. И потом отомстить. Так что через всю эту дедовщину, о которой столько сегодня говорят, я и сам прошел еще на заре своей юности».

В ПРОТИВОБОРСТВЕ С БУГРАМИ

... Он не любит вспоминать, как в каждом из двенадцати отделений военного госпиталя жили по сорок подростков. Правила устанавливал воспитатель и два его помощника – бригадира. «Бугры», бывшие фронтовики, с проверками приходили только утром и вечером. А всю дисциплину в отделении держали два взрослых, крепких и сильных парня: одному 19, другому – 22 года.

«Да он один нас, десятилетних пацанов, мог по пять-шесть человек на кулак наматывать. Так что, естественно, жировали эти ребята...»

Они мальчишек и унижали, и били. Иногда цыкнут на тех, что уже много раз и побои, и надругательства сносили, а те – не выдерживали, просто писали в штаны.

Доставалось буквально за все. За полученную на уроке двойку, к примеру. А как ее не получить, если в отделении кто-то перед самым началом занятий выкрал твою тетрадку с выполненным домашним заданием? Или взял списать, да не вернул?

Могла прийти медсестра, получавшая от «бугров» подарки и бывшая с ними заодно. Она приходила и проверяла, насколько качественно убраны комнаты. Придиралась ко всему, сама же подбрасывала невзначай «бычки» или сигареты (а подростки, в отличие от бугров, не курили вообще), и за это опять – мордобой.

Старший из «бугров» полгода Сашку Федорова бил просто, кулаками. Потом стал одевать перчатки. Ударит так, что не удержаться. А вставать не охота. Потому что Сашка уже знал: еще пару раз пнет и отстанет, у него ведь и других «должников» полно. Двухчасовая эта «чистка» была ежевечерним кошмаром для всех малолетних обитателей колонии.

... Однажды, поймав себя на том, что и сам дал подзатыльник слабому, Сашок понял: так дальше нельзя, надо что-то делать с собой, потому что он всем своим нутром ощущал, как ожесточается, как все чаще накатывает на него волна беспричинного гнева и сумасшедшего отчаяния.

И чтобы совсем уж не потеряться, не раствориться в этой безысходности, Сашка ухватился за ремесло. Их обучали столярному, токарному и слесарному делу. И даже деньги, не ахти какие гроши, но что-то они все же зарабатывали: этого хватало, чтобы купить себе иногда сладкую булочку...

«Каждый человек за какое-то благо старается больше, чем через кнут. Вот и мы тоже...»

И все у него вдруг стало ловко так получаться: он и тисочки ручные наловчился делать, и плоскогубцы-круглогубцы, и ножницы. Потом – молотки, ключи, монтажки. Освоил, овладел и более высокоуровневыми работами: притирку, шабровку станин.

А еще, чтобы защитить себя от причиняемых практически ежедневно унижений и боли, он записался в акробатический кружок. Физически развитым и гибким Сашка был всегда, сколько себя помнил. В деревне, где жил, поодаль от домов, тянули ввысь свои ветви штук тридцать тополей. Высокие, сильные, гладкоствольные, они, казалось бы, служили надежной защитой для вороньих и грачиных гнезд. Но все эти препятствия – только не для Сашка!

Для него одной рукой подтянуться, повиснув на ветке, или едва ли не бегом забраться на самую макушку дерева – пара пустяков. Лазал проворно и цепко, как обезьянка, и точно знал: сколько на каком тополе гнезд и сколько в них яиц...

Он не раз потом добрым словом поминал те свои мальчишеские вылазки. Потому что когда бригадир стал надевать те самые перчатки – тут уж

все, только держись, – уворачивайся, перекатывайся, группируйся, иначе – хана. Тем более, что Сашкино упрямство и эта мертвая стойка никчемного соплюшника так разозлили бригадира, что между ними началась негласная война. Не на жизнь – на смерть. И Сашка это знал. Потому что видел, как до смерти запинали бригадиры и их помощники двух пацанов, сбжавших в самоволку «за забор».

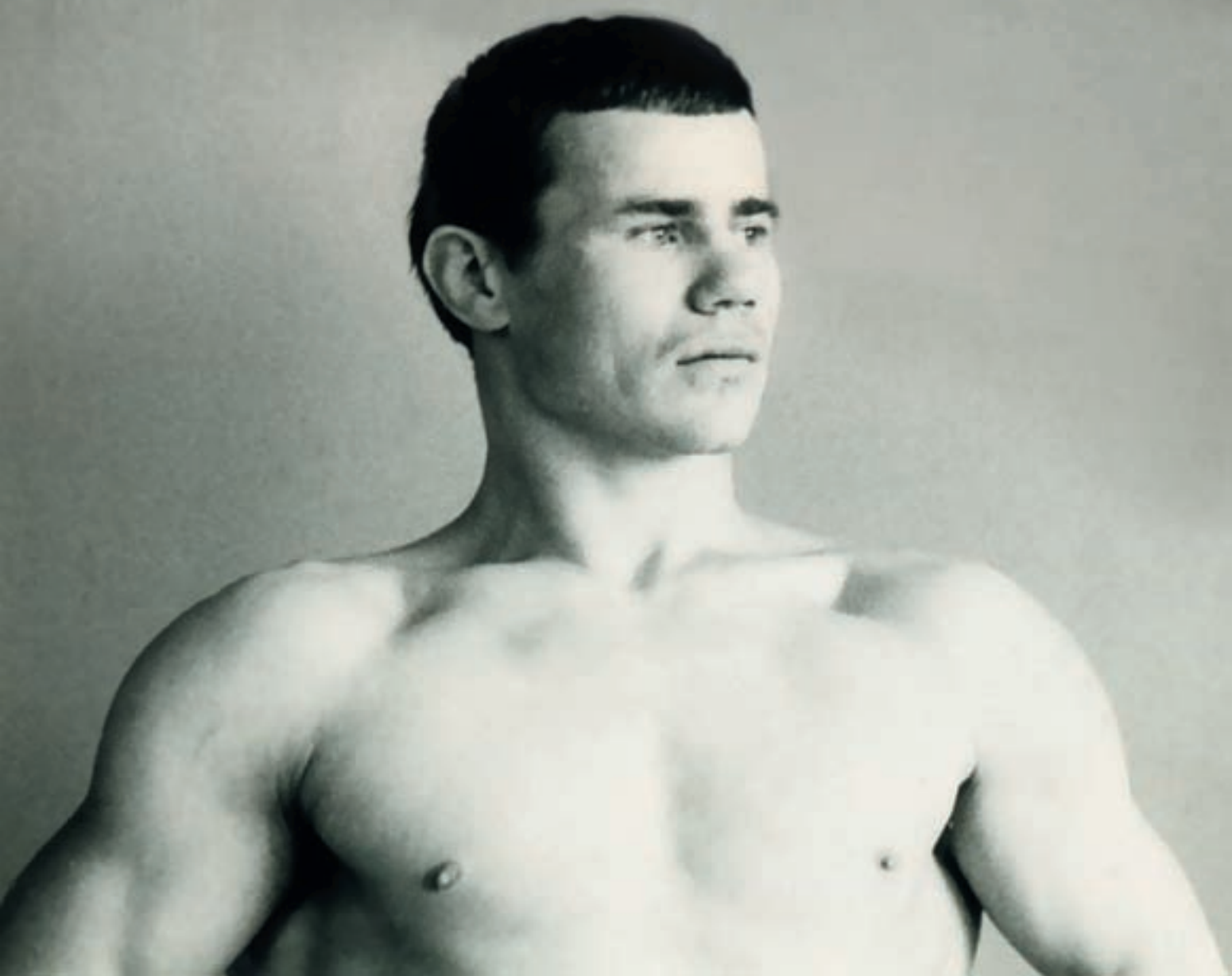
Охраны как таковой в колонии не было. Они все жили как бы при свободном режиме. Но уж если кто, перешагнув черту, попадался – все,

пиши пропало. Даже если откачают потом такого бегунка, – отбитые почки и харканье кровью ему обеспечены. Так что попытки побегов сами собой прекратились, и бригадиры скучали, их разбуженные звериные инстинкты требовали еще больше – крови, еще ярче – зрелищ, еще подобострастнее – подчинения. Им уже недостаточно было просто ударить, нет. Им требовалось продолжение, еще более изощренное и жестокое.

А поскольку повода, чтобы развязать им руки, Сашка не подавал, они его придумали сами.

*Чувство свободы —
оно так и осталось
на его зубах вкусом
незрелых ранеток...*

ВЕСЕННЯЯ ПРОТАЛИНКА

...Она пришла! Настоящая, теплая, солнечная и очень-очень долгожданная весна. Она пробивалась сквозь замызганные окна (их сколько ни три – все равно оставались несвободно-тусклыми), теребила мальчишечьи вихры, слепила глаза, ласкала своими лучами. Двор был усыпан одуванчиками, их огненные, пушистые головки озорно торчали отовсюду, как десятки, как сотни солнц! И ветерок был шаловливым, а не злым и колючим, и щебетали птицы – казалось, все торжествовало после беспросветно-холодной и одинокой зимы, все пело Гимн жизни, и Сашка был уверен: все пойдет теперь иначе, по-другому. И он ничьим сапогам не даст раздавить себя легко и хрупко, как весеннюю проталинку...

А тут еще объявили про праздник. И во дворе вывесили красный флаг. И – вот уж, действительно, чудо! – в этом вдоль и поперек, на тысячу раз исхоженном им дворе, появились ... девочки.

Восьми- и десятиклассницы, все – хорошенькие, и все (от такого явного внимания к ним мальчиков) уверенные-преуверенные в себе... Он даже дышать забывал, издали любясь на них. И особенно на ту, что звонче и зажигательнее других пела на сцене. Да еще на одном из двух ее бантов развязалась ленточка, и так смешно прыгала на плече с белоснежным воротником, что он со своего пятого ряда именно с этой ленточки непослушной глаз отвести никак не мог! И все хотел подойти, спросить о чем-нибудь, или подарить ей закопанную возле сараев ракушку – единственное, что было у него ценного. Эту ракушку подарил Сашку его товарищ. Вернее, такой же как он, колонист. Сашка вступился за него в одной из рядовых, но жестоких драк, а потом еще и выгородил перед бригадирами, взяв на себя вину за то, что их барак не был вовремя убран, а дежурил тогда как раз не он, а Ванька. Его, Сашка, конечно, побили,

и крепко. Но зато при расставании (у Ваньки, считавшегося сиротой, отыскались какие-то родственники), он подарил Сашку ракушку. Самую настоящую, из настоящего Черного моря, куда когда-то, давным-давно, в какой-то другой жизни, он ездил с мамой и папой... Эта ракушка, конечно, очень подходила своей необыкновенностью красивой девочке с развязанной ленточкой. Но Сашок не решился. Нужные слова не придумывались. И он отправился спать, не дожидаясь окончания праздника, ошеломленный, взбудораженный, весь во власти каких-то фантазий и мечтаний...

А потом все было как в самом страшном кино. Вернувшись с дискотеки, пьяные и самодовольные бригадиры, девочку эту (Машу Крапивину – он запомнил, так объявил ее номер ведущий), задержали и спрятали. А спрятав, рассказали кое-кому из подростков – где.

Что было дальше, и в чем конкретно его обвиняли, Сашка не вполне тогда понимал. «Ты на нее больше всех пялился, так?!» «Пялился! – ответил честно, как есть. – Для чего все красивое? – Чтобы смотреть!»

В КОЛОНИИ

... Вот так, с обвинения в групповом изнасиловании и закончилась для него, едва начавшись, та весна. Сашка и еще 18 парней, которым это инкриминировалось, отправили в другую колонию.

А размещалась она в бывшем монастыре, поделенном на бараки и рабочую зону. Озлобленные, негодующие на весь мир подростки, камнями выцарапывали на этих священных стенах первые в своей жизни матерные слова. Это был их протест, их мщение... Но крушить, ломать и жить по принципу «Пусть все идет прахом!» — нет, этот путь был не для Сашка. Улучив минуту, когда никто его не видит, он устремлял взор вверх, туда, где был купол, и точно видел, что сквозь свежую штукатурку проступают чьи-то мудрые и грустные лики. Они смотрят не мимо, не сквозь, а прямо в самую глубь его, Сашкиного существа, и внутри все наполняется торжественной музыкой и светом. И если бы он знал тогда хоть одну молитву, она легко и естественно сошла бы с его языка...

А еще в то же самое время он продолжал познавать тайны мастерства. Кто бы мог предположить, что его так захватит слесарное и столярное мастерство! Сам вид рабочих инструментов, издаваемые ими звуки, разлетающаяся в стороны по одной ей ведомой траектории стружка — все вызывало у него восторг и трепет, руки дрожали от желания самому поскорее изладить что-нибудь стоящее, настоящее. Ах, как рад он был первой своей табуретке! И что там эта, вполне заслуженная, пятерка по труду? Не в ней дело!

«Я никогда в жизни до этого момента ничего доброго своими руками еще не делал...»

Он чувствовал себя настоящим творцом, создателем. А уж когда бригадир сам попросил: «Ты эту табуретку-то мне принеси, а то стулья все расшатала», — счастливее его и не было никого на свете! «Ты хорошо сделал, я сам теперь на ней сидеть буду». «За-а-бирай!» — по-взрослому, солидно и все еще заикаясь, ответил Сашка. «Я еще много-много таких сделаю!»

И хоть так же их лупили бригадиры, хоть проходили через все ту же дедовщину по второму кругу — существование здесь благодаря новому ремеслу стало казаться Сашку более осмысленным. Он начинал себя уважать, хотя и не смог бы найти этому чувству определения. Но появившаяся, казалось бы, в жизни зацепка, не помешала принять участие в поднявшемся в колонии бунте.

«Я в этом бунте участвовал, толику сотую или тысячную исполнял. Все делали — ну и я тоже с ними. Идти своим путем — к этому приходишь не сразу...»

Так, за компанию, Сашка и убежал из колонии. В поиске спелых ранеток они облазили все близлежащие сады. Ох, и вкусными казались эти августовские яблочки... Они хрустели на зубах, брызгали соком, весело катились по дорожке, вырвавшись из плена разбухших, полудырявых карманов...

Настрадавшись вдосталь, Сашка и некоторые его приятели пришли обратно «в зону». Ну, еще больше закрутили им гайки. Ну, чаще заставили маршировать. Что с того? А чувство свободы — оно так и осталось на его зубах вкусом незрелых ранеток...

В 14 лет его перевели в третью колонию, уже в Нижегородскую область. Город Семенов, Рамки, Ардатово — эти названия впечатались в его память накрепко, навсегда. А вот все остальное...

«Помню все смутно. Сколько уже раз по башке получал, забыть вообще все в жизни можно. И кто я есть такой — десять раз...»

Но главное — помнится и сейчас. Он снова со всей накопившейся страстью ухватился за освоение различных ремесел. Больше всего привлекала сборка паяльных ламп. Она и слесарных навыков требовала, и подгона, и не все сразу у Сашка получалось. Но это лишь раззадоривало его, разжигало азарт. То гайки надо прорезать, то разобрататься, почему винт не закручивается. Чем сложнее и заковыристей была задача, тем усерднее

становился паренек. Вскоре настольные сверлильные и токарные станки он знал как свои пять пальцев. И заслуженно получил звание штамповщика и слесаря-сборщика, причем в обоих случаях – третьего разряда. Для ребенка присвоение такой квалификации было равнозначно генеральским погонам. И тут уж все в голос стали твердить, не без завистливых ноток: «Ну, Шурка, вот на гражданку пойдешь – без куска хлеба не останешься. Да и тот у тебя будет с маслом!»

Сашка эти прогнозы устраивали, тем более, что с учебой у него как-то не заладилось. До пятого класса все шло неплохо, и пятерки не были исключением в его дневнике, а потом – как отрезало. И неинтересно вдруг стало, и общему настрою лишний раз подтрунить да поиздеваться над учителями поддался.

«Не знаю уж, что нами двигало, но мы отвергали любое их желание помочь нам. Чем хуже – тем лучше, – такой вот перевернутой была та мальчишечья философия».

Может, они так ершились от обиды на судьбу? Сашкина история оказалась типичной. У его соседа по койке справа родители погибли в аварии, а у того, что слева – их застрелили, да еще на его глазах. Ох, и орал он иногда ночами, и не раз его бригадиры за эти надрывные крики от всей души лупцевали. А вот Ванька-дурачок по глупости сюда залетел: стащил у кого-то узелок на вокзале, – а его судить-то рано, неположено еще – вот и определили в детскую колонию. А уж если кто сюда попал, только одно и остается: ждать, когда стукнет 16. Потому что 16 лет – это значит «молоткастый, серпастый» за пазухой, а с ним, с паспортом, можно уже и на работу устраиваться! Причем Сашка сразу предупредили: отсюда, из Горьковской области, он поедет не куда-нибудь в тьму-таракань, а на Урал, в самое его сердце – «Уралмашзавод». По пришедшей заявке их только двоих туда и отправили – Федорова Александра и Попова Ивана.

ПУТЁВКА В ЖИЗНЬ

...Общежитие! Обмундирование! Подъемные! Вот она, наконец, путевка в новую светлую жизнь. И в этой новой жизни он, Сашок, – не колонист, а ученик токаря. И с ним за руку здороваются по утрам на равных здоровенные, крепкие и немногословные мастеровые мужики. Он и сам, глядя на них, не бросал ставшие привычными ежедневные упражнения – отжаться, сделать стойку, покувыркаться...

Ему так хотелось стать среди них своим. Тем более, что поначалу они с Ванькой были у всех как бельмо на глазу. «А эти откуда? А, с детской колонии? Трудоустроенные?», – и чуть что, – так и шипят на них, так и шпыняют. И все же прежняя работа под присмотром надзирателя-бригадира в сравнение с этой никак не шла! Токарная работа! Крутящийся, как заводной, станок! Сашок с упоением бросился осваивать новые навыки и знания.

«Вот тогда я впервые понял: ведь трудолюбие – оно много значит. А мы не филонили, работали, старались. И каждое утро, подходя к заводской проходной, я был горд и счастлив».

Он намеренно растягивал эти последние шаги до заветных ворот. Пусть все видят – и эта заполошная тетенька с сумкой, и рыжая девчонка-студентка, и этот карапуз, которого мать тащит в ясли, – пусть видят они все: это идет он, Санька Федоров, он уже 3 месяца работает тут, и им с Ванькой, наконец-то уже доверили самостоятельную разрядную работу. Они не увиливали ни от чего, наоборот: только выполняют свою норму, тут же просят выдать новое задание.

И от раза к разу росли их умение и мастерство, и Сашка понимал: делая по десять сложных операций на одной детали, он становится универсальщиком! А универсальщик – это вам не операционник, который только и делает, что долбит одно

и то же. Универсальщики – они такие, они могут все: от начала – и до конца. И это страшно ему нравилось. Не зависеть ни от кого. Самому отстукивать рабочий ритм. Отвечать за конечный результат. И перепробовать при этом все инструменты и все подходы. Так-так... Такая, значит, идет стружка? Так ее согнать? Тонким точением? Под калибр? Под микрометры?

Угломеры, частоты, режимы варьирования, шлифовка шкуркой и пастой «Гойя», доводка восьмого знака... Это были его тайны, его знаки и символы, его ноты, из которых он складывал свой Гимн труду.

Труд дал ему самоуважение. Уже через полгода Саша Федоров стал самостоятельным специалистом, получив Ш разряд. При этом он оглядывался вокруг и удивлялся: в цехе почти половина рабочих – третьеразрядники. И среди них – не только зрелые мужики, но и без пяти минут пенсионеры. И он, Санька, их догнал. Он же их и перегонит!

Труд также дал ему уверенность в себе. Ну и что, если росточком не вышел, а вес – 68 кг? Плотный, будто сбитый накрепко, мальчишка шагал по земле, крепко впечатывая шаг. И девчонки заглядывались на него и строили глазки. Ну и он, конечно, отвечал тем же...

У РОДНОГО ПОРОГА

А еще труд дал ему деньги. 3 рубля 80 копеек он платил каждый месяц за общежитие. А на остальное жил и откладывал на билеты и на подарки. Потому что ровно через год работы на заводе, как только ему исполнилось 17, Сашка поехал туда, куда все эти годы тянулось и рвалось его сердце.

Домой, на Родину, — разыскать своих, обнять их, высказать, наконец, матери все свои обиды, прижаться щекой (теперь уже колючей, бриться начал!) к родным сестренкиным макушкам и, может быть, даже заплакать. От нежности и от счастья...

И вот она — знакомая станция. Все узнаваемо и дорого глазу. И в то же время — будто не он прыгал здесь по солнечным и зеленым лужайкам, не он несся что есть мочи навстречу отцу, не он тыкался лбом в материны коленки просто для того, чтобы почувствовать: она — рядом. Сном была та жизнь или явью? И какой сюрприз преподнесет она сейчас?

Родная изба — по всему было видно — нежилая уже давно. Калитка накренилась и повисла на одной петле, все заросло бурьяном и крапивой. Уже предчувствуя недоброе, он зашагал в сторону тетки Дуси, двоюродной сестры его матери. Переступил порог — а все от него чураются: что это за парень молодой в избу ввалился, незнакомый? Но он еще издали ее углядел, эту фотографию: ему — год-полтора, и он сидит на коленях мамы, а в волосах у нее — какие-то чудные лесные цветы. «Это я», — только и смог выговорить, и тут все заохали, запричитали, признав, наконец, за своего.

«А мамка-то твоя, Шурка, от рака умерла»...

«Догулялась, значит... А сестры где?»

«Старшую ищи в селе Сарс, а про младшую мы и знать ничего не знаем!»

В Сарсе он следов Гали не нашел, отправили его к другим родственникам, в Тюш. Сашка все пытался представить, как она теперь выглядит, его Галка-постреленок? Как живет? Узнает ли его? Но и в Тюше ожидало горькое разочарование: «Что ты, она давно уж замуж вышла и в Красноуфимск уехала».

Он так и присел на краешек табуретки: стоило ли с Урала ехать на Алтай, чтобы туда же за искомым потом возвращаться?» А еще отметил, что как-то странно ведут себя родственники: «Ты уж не обессудь, но угостить-то тебя совсем нам нечем. Ни яичек нет, ни молока, ни огурчиков...»

Станным это показалось Сашку: чтобы при своем-то подворье, да ничего не было? Пошел на другой день в магазин и всего-всего накупил, что под руку попало, на всю, немаленькую, семью. Денег себе оставил чуть-чуть, только на дорогу. Ничего, пусть знают, он не за подаванием к ним приехал – сам кому хочешь может праздник устроить, а гостя так привечать – не по-людски как-то, дико.

Так и проворочался в невеселых мыслях к боку на бок всю ночь. И все о Верочке, младшенькой сестренке, почему-то думал. Если Галин след теперь хоть как-то проявился, то эту кроху – найдут ли?

Все оказалось и проще, и сложнее. Галина, когда нашел ее в Красноуфимске, на первый же его вопрос ответила вполне определенно: «Вера? Да она в интернате. Вот отучится, и после пяти сюда придет».

Он и передать не мог, как хотелось ему ее увидеть! Словно все то хорошее, что было в прежней жизни, в этой маленькой девочке только и осталось. Купил ей мишку плюшевого на последние деньги. У каждого ребенка такой мишка обязательно должен быть!

И вот, дождался, пришла.

Щупленькая, робкая, глаза – в пол, слова не вытянешь. Тогда он решил по улице с ней прогуляться, может, там разговорится? А то спряталась, как куколка – в кокон.

Облизывая тающее мороженое-эскиммо, держась за него одной ручонкой-прутиком, а другой прихватив подмышку мишку, Верочка и вправду разговорилась. И это был не веселый рассказ. Он как будто заново пережил все, что испытал тогда «в людях», мыкаясь по чужим углам, когда корка хлеба в горле застревала под недобрыми взгляда-

ми хозяйской ребятни. «Не смей», «не трожь», «свалился на нашу голову, ирод проклятый», – сколько раз он это выслушивал? А когда в праздник всем детям раздали по новогоднему подарку, а ему – нет, обида была жгучей, и слезы – жгучими, и одного хотелось – повеситься немедленно, прямо сейчас, потому что ведь должен же быть какой-то предел людской несправедливости?

Вот и Верочка так же мыкалась все эти годы, тонкая, нежная девочка-цветочек, да и сейчас, похоже, жизнь ее проще не стала.

«Я здесь как домработница»...

Злой, почерневший от переживаний, он все пытался понять Галину, родную свою кровь: «Как так, Галя? Почему у тебя замки везде? На холодильнике – замки?!»

«Твое, что ли, дело? Не лез бы ты... Да чтоб не воровали!»

«Да кто воровать-то будет?»

«Дети».

На всю жизнь запомнится ему этот дикий диалог и вспыхнувшая за ним ссора. Вот при каких обстоятельствах, оказывается, не сумел он сдержаться. Заплакал.

«Неправильно ты делаешь, нам еще трудней было жить, но отец с матерью ничего от нас не закрывали, не прятали, все нам было доступно. Галя, Галя! Ты что, все забыла?!»

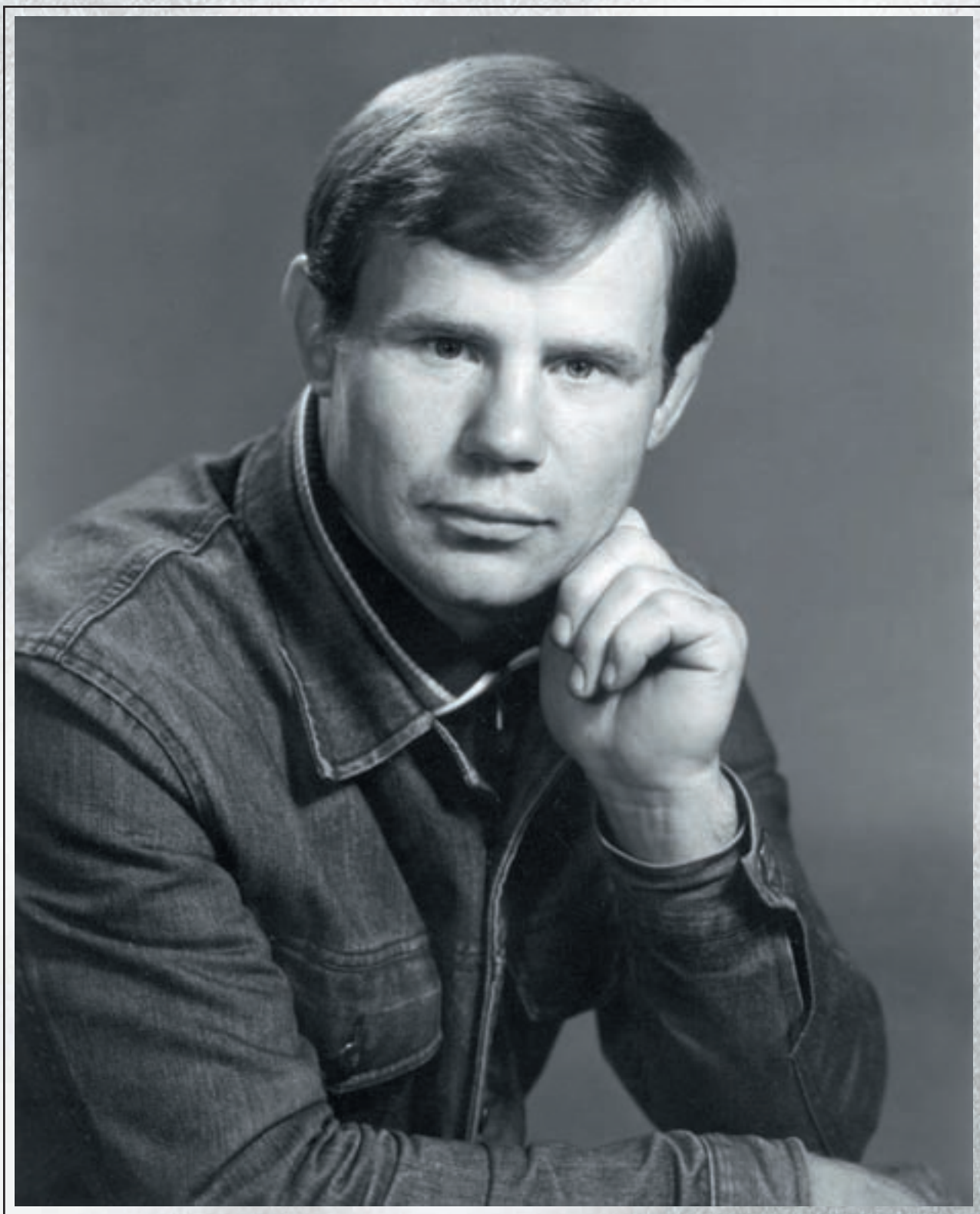
И уже не она была старшей его сестрой, а он чувствовал себя умудренным опытом старцем с разбитым сердцем: ну как, как можно было так поступить с шестилетней Верочкой, как с чужого края к столу подпуская?

Все кипело, все бунтовало и пенилось внутри.

«Вот повзрослее стану и заберу тебя».

С этим и уехал. И не двое Галиных очаровательных малышек, а только худосочная Верочка так и стояла у него перед глазами. Один гольфик чуть ниже другого, глазки и носик покраснели от слез, а руки судорожно прижимают к груди родного плюшевого мишку – самый первый в ее семилетней жизни подарок...

ПОСЛЕДНЯЯ ЭЛЕКТРИЧКА

На работу Сашка вернулся угрюмый, подавленный. От былой жизнерадостности не осталось и следа. Все тяготило и раздражало, да еще совсем не было денег, все, до копейки, растратил в той поездке. Решил обратиться за внеплановым авансом в бухгалтерию: «Заработаю – и рассчитаюсь, я беру у вас кредит, это же не на всю жизнь!» Но нет, не вышло. И в общежитии, как назло, больше двадцати копеек перед авансом ни у кого не займешь. А на эти двадцать он покупал 10 стаканов чаю по 2 копейки. Хлеб же тогда давали бесплатно. И Сашка с десятью стаканами съел булку. Организм молодой, да еще и нагруженный, – сначала работой, затем – гирями и эспандером в спортзале – с нагрузками уже не справлялся: в животе бурчит, сил нет...

В одну из суббот как-то по-особому взгрустнулось Сашку, сел на 12 маршрут, поехал на ВИЗ. Сошел на вокзале. Просто так, без всякой цели. Прошелся по площади раз, другой. Все куда-то едут, торопятся, кто-то их ждет. А он... Невеселые эти размышления прервал писклявый мальчишеский голос:

- Дяденька, помоги!

- А что такое?

- Да меня вот тот парень пару раз стукнул и все деньги отнял!

- Много денег?

- Много! Три рубля с полтинной!

Сашка счел сумму внушительной. Он в тот период только рубль в день мог себе позволить истратить, включая трехразовое питание.

- Ну, пойдём.

Нашли обидчика у автомата с газированной водой. Он сбоку по нему кулаком стукнет – и, пожалуйста, прямо в стакан наливается вода с сиропом.

- Ловко у тебя получается, – похвалил Сашка. – Научи!

Парень охотно поделился нехитрой технологией, но нет-нет, да и косил глазом на прижимавшегося к Саньке пацаненка.

Настала пора открыть карты.

- Послушай, все хорошо, но есть одно «но». Ты у этого парня взял деньги. Он – мой друг. Верни ему.

У Сашки и мысли не было атаковать, но когда услышал в ответ:

- Да ты что, я его впервые вижу! – рассвирепел.

- Я и сам такой же. Тоже умею отпираться. Лучше отдай деньги по-хорошему.

- А то что?

Уж лучше бы он и не спрашивал! Весь во власти неконтролируемой ярости, Сашка ухватил его за шиворот и потряс в воздухе. Выпали деньги, рублей пять, сбрыкали ключи, покатались по асфальту игральные кости. Парень верещал и дергался, и Сашка бросил его на рельсы – бросил жестко, не жалея и понимая, что удар тот примет чувствительный. Он к тому времени уже записался в секцию самбо, так что силу свою уже учился рассчитывать.

- Это чтоб впредь тебе была наука, – и развернулся спиной в ответ на угрозы, и пошел прочь, сжав в кулаке «сдачу» – «лишние», отвоеванные рубли.

Он накопил на них целую гору своих обожаемых пирожков с повидлом по 5 копеек. Угостил ими игравшую во дворе общаги в волейбол команду. Трубочки были жирные, похрустывали на зубах. Они запивали их ситро, балагурили, шутили, и день этот оставил в памяти Сашки ощущение нежданного праздника, какой-то молодецкой удали и свалившейся ниоткуда удачи. И всю неделю он вспоминал ту субботу, и, конечно, опять поехал на вокзал, как только пришли выходные.

И опять он делает круг, за ним – второй, а на третьем к нему подходит не кто иной, как им же побитый знакомый.

- Ну и зачем ты так сильно меня взгрел? – начал он было с обидой.

- Так ведь ты не хотел меня понять, – сказал, как отрезал, Сашка.

И тут же новый – старый знакомый (Вадим по кличке Рыжий) предложил ему вместе поработать. Санька согласился...

На их сленге это называлось «обслуживать электрички». По-наивности Сашка думал, что им предстоит что-то мыть-подметать да вытирать пыль. Так что ради интереса к чему-то новенькому пошел «на работу» с охотой. И с первого же захода понял, каким был идиотом!

«Обслуживать электрички» означало вытаскивать кошельки у пьяных и зевак. За несколько часов они наскребли рублей сорок. Треть его зарплаты! Масштаб впечатлял, тем более, что деньги они поделили поровну, не смотря на то, что Сашка выступал в роли новичка.

Он с нетерпением стал ждать следующего дня. И не зря. На этот раз их было человек шесть, на третий день – уже двенадцать, через неделю – восемьдесят. Причем в команде этой оказались и девчонки тоже. А еще, что удивило Сашку, многие ребята были из вполне благополучных, «сытых» семей.

«Это сейчас я понимаю: им надоело жить по раз и навсегда заведенному режиму. Потому что при нем никакого личного пространства у ребят не оставалось, никакой самостоятельности. Или маршируй вместе со всеми, иди бездельничай. А тут – настоящие приключения, команда, романтика. Мы все кинулись на это, как пчелы – на мед».

Вскоре Сашка стал командиром. Причем воспитывал «своих» по образцу и подобию милицеских нарядов. Построение. Четко сформулированная задача. Руководство к действию. И – доклад по завершению операции. Они собирались где-

нибудь на задворках, задание получали группами, человек по двадцать, через определенные промежутки времени. А вот ночью встречались уже все вместе – то в сквере, то где-нибудь в переходах путейных линий – «явки» менялись.

Недели через две Сашка весь был усыпан часами, как новогодняя елка – игрушками. Даже на ноги их цеплял.

«Много позже я в деталях заставлял себя вспоминать то время. Потому что вспоминать – стыдно. Для меня было снять с мужика часы – как дважды два. Удар по печени. Удар в челюсть. И все, лежит человек. Ведь этот удар, он был у меня посажен. Я и боксом занимался, и самбо, и сила была, и гибкость – на зависть всем. Но – главное!- мы совсем не задумывались над тем, что несем одно зло, что делаем людям плохо. Наоборот, «здорово сработали!» – говорили и чувствовали себя при этом настоящими героями».

ЧЕРНИЧНОЕ ВАРЕНЬЕ

В один из вечеров, когда «улов» был особенно богатым, Сашка сказал:

- Пойдем на закупки!

Водка, вино, колбаса, консервы – сетки лопались от провизии: компания готовилась отдыхать на острове. Но чтобы не ждать никого по полдня, а выйти раным-рано, Сашка уже привычно командовал:

- Ночуем здесь, в палисаднике.

Они с комфортом расположились среди мо-

лодых кленов в роще на Пионерском поселке. Жара, июль, жизнь прекрасна и полна приключений...

Известие о том, что в одном из барачков за поворотом трамвайного парка жильцы уехали на юг, упало на благодатную почву. Охрана? Ах, один сторож? Старик? И добро все в доме закрыто? Аппетит разыгрался у всех не на шутку:

- Надо эту квартиру брать!

Сашка еще поупирался поначалу:

- Да что вам, этого всего мало? Так завтра новый день будет!

Но вялые эти возражения потонули в общем гомоне и возбуждении.

Старичок попался крепкий, фронтовой, все пытался оказать сопротивление. Его, строптиво-го, – к Сашке. Он, конечно, руки прикладывать не стал, но запугать старикана попробовал основательно:

- Дед, если только ты сейчас завоюешь, я вот эту бутылку с горючим (а на самом деле – с вином) в форточку тебе закину. И сгоришь там ни за грош. Так что не пищи, стой смирно.

И когда никак не поддавалась пацанам металлическая решетка – снова инициативу взял Сашка. Он всем десятерым парням, что в вылазке участвовали, велел решетку эту проклятую дергать одновременно, на счет «раз». И вправду, – вышло, огромные гвозди отскочили легко, как игрушечные.

Да и стекла вскрыть тоже он научил. Вспомнил, как в детстве, когда они потерял ключ, делали это отец с матерью: стоило помочить бумагу в луже – и привет: ни звона нет, ни на куски стекло не рассыпается. Так и сделали. А уж открыв, все ринулись внутрь: каждому хотелось самолично для себя выбрать сувенирчик. Полез и Сашка.

...Электропроводку отключили. Мгла крошечная. Кто-то, из самых шустрых, пролез внутрь с факелом, накопил, дышать стало нечем. Сашка с недоумением (и что я здесь делаю?) оглядывался

вокруг. «Рыжий» крушил телевизор, извлекая из него дефицитные лампы. «Скелет» сграбастал патефон и, причмокивая языком, отбирал пластинки. «Демьян» рылся в постельном белье, переворачивал шкатулки и склянки.

Сашка заглянул под кровать, а там – аккуратный рядок разноцветных банок. Выхватил одну, «мне хватит», – сказал, вылез наружу, полакомился. Оказалось, черничное варенье. Сам над собой похихикал: ну вот, сходил на дело, аж все слиплось!

Когда общий «шмон» закончился, деда водворили обратно.

- Слушай, даем тебе 20 минут. Как пройдут – начинай орать. Но если только раньше пикнешь – жди бутылку, как обещали.

И – отходить. Но дед и вправду попался строптивый. Не успели они дойти до места, где устроили лежбище, как вокруг поднялась суета, гудки, мигалки, милиционеры... Решили разбежаться врассыпную. С Сашкой увязались двое, причем один, Витька, такой попался нервный, что смотреть – и то тошно. Лицо перекошено, руки дрожат, зуб на зуб не попадает:

- Я пойду, я посмотрю, что там...

- Витя, не ходи никуда, – убеждали терпеливо, как больного. – Вот сидишь, и не вякай. Не наследи. Главное, чтоб тихо все было. И никто нас здесь не хватится. А утром народ пройдет, все стежки затопчет, вот мы и выйдем.

Куда там! Витьку этого психического уже никакой силой не остановить было! Он, конечно, дернулся в сторону. И его, разумеется, поймали.

«Думаю теперь, как хорошо, что его взяли тогда. Потому что, сойди нам все с рук, мы бы еще таких наломали дров... Аппетиты-то росли. Так что спасибо ему, дурачку, что попался».

Витька при задержании начал нести полную ересь. Кого-то провожал. Кому-то встречу назначил именно у этого дома. Словом, что «причастен» ясно стало через 5 минут. Тут его и прихватили.

Сашке и в голову не могло прийти, что уже через неделю все члены его команды начнут по цепочке сдавать друг дружку. Пока же все шло своим чередом, день за днем. Вот только по электроричкам они пока ходить перестали. Мало ли! Береженого Бог бережет...

В очередной свой выходной, маясь от безделья, Сашка поехал в парк на Уралмаше. Качание ни качелях прервал вдруг хлынувший дождь. Сашка лихо запрыгнул на летнюю сцену, забежал под крышу. Вслед за ним тут же заскакивают две девочки – свои, заводские, где-то он их уже видел. А за ними – целая стая парней. Семь человек. Слово за слово, давай к девочкам цепляться, приставать. Сашка терпел. Но как стали распускать руки – опять охватила его такая ярость, что отлупил всех как следует, наворотил целую кучу тел. Уже девочки сдерживали, все примачивали ему душистые свои платочки к рассеченной брови, все щebetали, какой он герой и спаситель.

В общежитие пришли вместе, они ему ранку промыли и сговорились схоить через пару часов в кино – не просто же так расхотиться?

Сашка послал кого-то за билетами, и тут в их комнату заходит один пружинистый, видный мужчина и спрашивает:

- Александр Федоров тут проживает?

В книжках такое Санька уже читал: «По его спине пробежал холодок». Но сейчас все было не по-книжному. На самом деле. И холодок бежал по его позвоночнику.

Однако лицо надо было держать. Одна из девочек перед сеансом ногти себе лаком красила, и ему мазнула, испачкала мизинец.

- Больше не надо, я не люблю, – ей, конкретно.

И уже им, обеим:

- Ну все, девочки, видно, не судьба...

И был прав. Потому что вечер Сашка провел уже в КПЗ.

В КПЗ

... Он зашел в камеру по-привычному легко, уверенным в себе и независимым. Грозы ничто не предвещало. Разве что предложили в карты сыграть. На 50 банок. Сашка, как водится с новичками, проиграл, но угрозы никакой не почувствовал: фу, 50 ударов ложкой обыкновенной по заду – это вообще ни о чем!

Но улыбка сошла с лица, когда увидел залитый оловом половник.

- Такой хреновиной – 50 раз?!

Он, не один уже год занимавшийся спортом и кое-что понимающих в мышцах, ударах и гематомах, вмиг оценил: Да все отомрет!

- Нет, ребята, даже если вы и в самом деле такие кровожадные, ничего у вас со мной не получится. По одной, по две в сутки – пожалуйста, получите. Но 50 раз сразу – нет, не выйдет.

Что тут началось! Особенно один, гнида такая, своего требовал:

- Все равно отлупим тебя, должен присягу принять в коллективе!

- Это не присяга, а издевательство. Кому-то из вас такое сделать – завтра же умрете от побоев, вы просто этого не понимаете!

Какое там?! – крики, вой, да еще и ботинки в Сашку полетели, причем кидались прицельно, в голову. Он перебежками скрылся в туалете. Все орут: «Выходи!» Но зачем выходить? Чтобы снова ботинки «взять»?

- Не выйду!

И тут, смотрит Сашка, а они никелированные дужки с кроватей на панцирных сетках снимают. «Ничего себе, такой трубой!» Тут кто-то по стнке как засадил – искры посыпались. «Ну все, – подумал. – Пора. Камера на семерых, их – шестеро. Да елки-палки, я не столько еще бивал!»

Выскочил, одного стукнул, второго треснул. У третьего дужку забрал и давай этой дужкой что есть мочи по всем остальным – по ногам. И отметелил. Тут сразу на посту включили сирену, набе-

жавшие дежурные Сашку скрутили и – уже в наручниках – к начальнику.

Добродушный с виду, то ласково так спрашивает:

- И что тебе, парень, неймется?

Еще весь под впечатлением от пережитого, натянутый как струна, но поверивший, что ему сочувствуют, Сашка рассказывает все как есть.

И попадает в карцер.

На 10 суток.

Он и раньше в карцерах сживал, конечно. Никогда тихим нравом не выделялся, так что во времена своего пребывания в колониях через карцер проходил трижды. Но такого ужаса даже представить себе не мог!

Его спустили куда-то вниз, вглубь. Туда, где сыро и холодно. Да еще – работающий вентилятор под окном. Комнатка – два на полтора, посередине – стульчик. Но если сесть на него – все, дубака дашь сразу, – это Сашка понял в первые же 10 минут. Да еще кормежка – через два раза на третий. Утром – 400 г хлеба, щепотка соли и кружка кипятка. Такая же кружка – вечером. В обед не положено. В какую-то черепушку, правда, наливали и холодную воду, но столь непотребную, что проглотить ее было невозможно.

Все десять дней Сашка только и делал, что отжимался и приседал. А еще наматывал себе на руки одежду, какая была, и долбил кулаками по стенке. Долбил так, что слышно было кругом, и зэки кричали:

- Начальник! Открой, мы его разорвем, он нам спать не дает!

Саньке и невдомек было, что они сидели в крытых камерах по 8-10 лет... «Ну и пусть возмущаются, – думал. – Так всем и надо. И вот вам, и вот, и вот...»

Вышел из карцера, весь усыпанный болячками. В горячем душе так их распарил, что все закровоточило. Но все равно жадно подставлял себя со всех сторон под обжигающие струи и мечтал только об одном: как бы продлить эти мгновения...

Потому что, судя по всему, ничего хорошего впереди ему не светило.

Интуиция не подвела. Федорова перевели в другую камеру, и опять — к малолеткам. Сашка сразу отметил: что-то не так. Как-то косятся на него эти четверо странно и явно сторонятся. А во время обеда, усевшись все вместе, ему указали на отдельное место. И он враз понял: чтобы отомстить, бывшие сокамерники, как видно, перестучали по трубам, что он — «петух», «голубой».

Что делать? Попытался уже во второй раз рассказать, как все было. Не верят. Ну, не верят — их дело. Пошел за стол, сел на лавку рядом со всеми. Пока первое ели — все нормально прошло. А как принесли второе, кто-то вскочил, взял Сашкину миску с горящей кашей, да и опрокинул ему ее сзади на голову.

Саша кашу смахнул, чтоб не обжечься:

- Что за дела такие?

- А такие, что нельзя тебе здесь сидеть!

Нельзя так нельзя. Пошел за чаем. Налил кипятку. И — хрясь по мордам этим кипятком. Пока они глаза терли, двоим успел своей толстой алюминиевой крышкой по голове настучать. Третий завизжал, побежал к кровати. Кровати эти они называли «два вертолета»: лежанка — стойки — лежанка. Сашка визгуна этого догнал, руку через дужку что есть силы ломанул и остальных пошел допಿನивать. Они схватились намертво, единым клубком, и — в стенку. Причем стенка оказалась хлипкой, времянка какая-то, он только успел их еще раз швырнуть — и все вместе вывалились в коридор.

В общем, вломил так вломил.

И опять сирена.

Смирительная рубашка.

Опять карцер на 10 суток.

И хоть не было ни у кого такого права (в один день все произошло, получалось 20 суток карцера без перерыва!) — никто на такие формальности внимания обращать не стал. Тюремное начальство уже записало Федорова в разряд «особо жестоких», «неуживчивых», «непримиримых».

Отсидев в карцере еще 10 суток, Сашка заявил:

- Не садите меня больше к малолеткам. Уж лучше ко взрослым. А то эти сволочи не хотят ничего понимать.

И его, как просил, перевели. А там — нары по периметру в 3 этажа, середка свободная. Камера естественно, переполнена, и все курят. Окна, задаренные нуглухо, прикрыты решетками. Сашка никогда париросами — сигаретами не баловался, один только раз, еще в детстве, попробовал — и навсегда возненавидел даже один только запах табака.

Тут же — смрад, густая, сизая, дымная пелена. Он задохнулся тут же и вместе с мешком своим, где кое-какие вещи лежали, быстренько шмыгнул и упал под лежаки.

Это тут же кому-то не понравилось:

- И откуда взялась тут эта крыса?

Кто-то попытался Сашку вытянуть за ногу.

- Не выйду! — отбрыкнулся он из своего убежища.

И тут уж ему учинили допрос с пристрастием: кто? Откуда? Какая статья?

Он назвал: 145, 146 — части 2. А в уголовном мире эти статьи считаются серьезными...

- Врешь ты, — сплюнул сквозь зубы одутловатый, рыхлый какой-то мужик весом килограммов под сто, и пошел на Сашку. Но как только он замахнулся — тут же Сашка врезал ему прямо в глаз. А при попытке второго удара — башкой об стойку. Голова у того — с одной стороны, туловище — с другой, а Сашка орет дурным голосом:

- Я башку тебе оторву!

Тут и постовой прибежал на шум. В камере, куда Федоров попал, сидели 40 человек. И всех, как овец в загоне, «держали» трое. Одного из них Сашка, оказывается, и измолотил.

- Твари, твари! — кричал он в никуда, когда его снова тащили в карцер.

- ...Ну посадите меня в такую камеру, где нет этих гадов, где никто ни к кому не пристаёт!

7 ЛЕТ «УСИЛЕННОГО»

... Их схватили в июне, в ноябре был суд. По совокупности содеянного прокурор запросил 11 лет. Когда Сашке дали последнее слово, горло у него перехватило, и все эта банка с приторным черничным вареньем стояла перед глазами.

Выходит, за банку эту такая вот цена?

- Каким же я выйду? – то ли себе, то ли им, всему залу, задал вопрос. – И, если меня там не убьют, я уже сам не человеком – зверем выйду. Который только один закон и признает: убить, чтобы выжить!

Кругом повисла тишина. И Сашка не знал уже, чего от этого общего безмолвия ждать. Никто, совсем никто не хотел его слушать и слышать в последнее время. Никто не верил ему и никому не было абсолютно никакого дела до его, Сашки Федорова, судьбы.

Но монолог все же возымел какое-то действие. Ему дали 7 лет. А поскольку до его совершеннолетия оставался один день, к этим семи добавилась еще и такая формулировка – «7 лет усиленного режима». Потому что «усиленный» малолеткам не давали. А Федорову – да, получил.

И снова – камера, где сидят уже осужденные и ждут, когда их отправят по этапу. 12 человек, из которых шестеро были осуждены по 102-ой – за убийство, двое – за нападение на инкассаторов, остальные, в основном, – за грабежи с применением силы. Все – тертые, степенные, уверенные в себе мужики. И никто Сашку не задирал. Он вспомнил малолеток, осужденных за хулиганку или за мордобой, вспомнил карманников. Как же сильно народ отличается! – поразился мысленно, но расслабляться, считал, еще рано. Кто знает, что у них на уме?

Но вот уже и пообедали, и поужинали. Сумерки, вечер, а все по-прежнему тихо. И тут что-то нашло на Сашку, будто плотину прорвало, он, уже лежа на кровати, сначала всхлипывать начал, коротко, судорожно, а потом, не сдержавшись, как разрыдался...

- Ты что, сынок? – почувствовал на своем плече чью-то ладонь.

А когда выслушали его, подбодрили как могли и как считали нужным:

- Не унывай. Такова уж наша судьба. Переживешь, ты парень сильный.

«Вот так они меня вдохновили. Возможно, что из своих каких-то соображений меня поддерживали, но самое главное в том, что мне этого хватило. Я уже мог собраться внутренне и принять на данном этапе все, как есть».

НА ЛЕСОПОВАЛЕ

Когда Сашку стали оформлять на зону, воспитатель ему предложил:

- Слушай, парень, ты тут у нас такой дерзкий, давай-ка мы тебя в колонию направим бригадиром или помощником?

И уточнил:

- В детскую колонию.

- Да никогда в жизни! – чуть не сорвался на крик Сашка. – Никогда я туда не захочу, будь там хоть маслом намазано. Уж лучше я пройду через самый адский труд, пусть хлебну по самые уши, но зато все потом в своей жизни так устрою, чтобы больше уже никогда сюда не попадать!

И его отправили сначала месяца на два в отделочную бригаду в Верхотурье, а затем на Толмачиху. (Причину частых последующих перемещений Сашка поймет позже. Дни за днями – склады валяются в года. Во взрослых лагерях, во избежание объединения в преступные группировки, зэков вместе долго не держали).

В Толмачихе всех, одного за другим, разобрали, куда-то прикрепили, одного Федорова все чураются и ни в какую бригаду не берут.

- Слушайте, а я-то куда? – уже встревожился он.

- Да ты, – говорят, – никому не нужен: постоянно дерешься!

Молва сюда добралась быстрее их состава...

В то, что он не напал, а защищался, поверил, наконец, бригадир разделочной бригады.

- Кем пойдешь?

- А самая адская работа какая?

- Чикировщиком. Особенно зимой.

Вот в чикировщики он и двинулся.

«Пройти через все, чтобы больше попадать

сюда не хотелось. Это была наиглавнейшая из причин такого странного моего выбора. А что-то там такое доказать себе или проверить – нет, не это мной двигало. Просто решил раз и навсегда отбить себе охоту переступить черту».

Ночами, когда никак не шел сон, Сашка в сто-тысячный раз все прокручивал тот злополучный день, все не уставал собственной глупости и ду-рости поражаться. А еще размышлял: если вдруг снова окажется он по какой-то причине в переделке, если встанет вопрос о судимости – так уж лучше, чтобы сразу застрелили. Без суда и следствия. А нет – так он на охрану бросится, пусть его рас-терзают, но второй раз через все это проходить просто невыносимо.

- До такого я себя больше не доведу, – с этой мыслью он просыпался и засыпал, с этой мыслью работал, сдирая в кровь руки, какой бы толщины рукавицы не одевал.

Хлыст, падая, с глухим стуком пробивал своей тяжестью наст. Сосны, елки, осины, березы – все они крепкие, скользкие, пока их пооткапыва-ешь да на несущий тросик зацепишь... А заце-пишь – тракторист повезет разделывать на ас-сортимент. Затем – по узкоколейке в Верхоту-рье, оттуда – отгрузка на склады и – по вагонам, которые застучат своими колесиками по всему Союзу, чтобы доставить древесину до конечного пункта – лесопилки.

Они, уральские заключенные, столько пилили леса, что Сашке казалось: все они – как короеды какие-то. Вот выпустили их из укрытия, и за сезон они такое сотворят, что на 20-30 квадратных кило-метров – одна пустота кругом... До последнего сучка убирали, подчистую – такие были требования: все свалить, все сучки собрать, корни повыдергивать... А уж после них приходит другое племя, чтобы все раскорчевать и засеять саженцами.

На чикировке Сашка себе все руки ободрал в первые же 2-3 дня. Морозы градусов под тридцать, тракторист на него матерится, а он ничегошеньки не успеваает. И раны на руках такие, что к концу смены все рукавицы – в крови. Кто-то подсказал бригадиру, и он как на Сашкины ладони посмотрел, сразу определил:

- Ты вот с выбором поторопился, а как правильно делать все – не знаешь. Будешь сегодня вагонетку толкать.

Руки Сашке замотали – и опять за работу. А как они зажили, он попросился сучки обрубать. Думал, с топором интереснее, веселее работать. Ему деревьев навалют, он вершины и сучки обрубает, – через месяц опять захотелось перемен:

- Можно я с багором поработаю?

Багор – железяка, которой бревна укатывают в несколько рядов. Начал Сашка катать – и понравилось, не смотря на тяжесть. С каждым днем росли его навыки, сила, смекалка и уверенность в своих действиях. Поднакачался, матерым стал себя чувствовать и по одному-два куба катил один, когда с противоположной стороны то же самое делали двое – трое.

... За Толмачихой последовали Зимний, Сосьва, Лозьва. Когда довелось разгружать баржи, мешки с цементом и солью Сашка хватал не по одному, как все, а по два-три за раз. Берег пологий, склад от воды метров за 100-150. И чтоб не затопило в половодье, склады эти выносили еще метров на 20-30 вверх, на высокогорье.

Так что потаскать пришлось – будь здоров! По трапам тоже все бегом да бегом бегали.

Казалось бы, от таких нагрузок только и захочется, что отлежаться в полном бездействии, по принципу: не кантовать! Так нет, наоборот. Сняли ээки с вагонетки колесо, взяли трубу, запилили деревянные кругляши – и вот она, штанга. Днем-

то еще подъемная, а утром – не сдвинуть, так все намокнет и затяжелеет. Так что физически качались по полной программе, а еще подтягивались, прыгали, бегали, метали топоры. Что-то навроде соревнований устраивали. Кто-нибудь заспорит:

- Я твоей шапке сейчас «уши» обрублю!

И если, действительно, с одного удара-броска «ухо» отрубит – значит, все, хозяин шапки – в проигравших.

Багры кидали, гвозди, электроды – через все это Сашка прошел, и все это надоело до тоски смертной.

Теперь уже другие фантазии мучили по ночам: вот он совершает вооруженный побег, находит девку красивую в какой-нибудь деревне, занимается с ней прямо на этом же месте, где нашел, а потому тут же и застреливается. И настолько не хотелось больше той жизни, так все стало невмоготу, что Сашка начал готовиться к побегу.

От непоправимого спасли свои, заводские. Все это время он переписывался с женщиной, которая учила его токарному ремеслу. Ее-то Сашка и попросил:

- Ты поговори там в цехе, пусть напишут коллективное письмо. Ходатайство.

И ведь сработало, помогло! На внеочередной сессии выдали его на поруки коллективу. К тому времени Сашке было двадцать два с половиной года. И он столько раз представлял себе этот момент: вот выходит на свободу, весь торжественный и ликующий, все вокруг сияет и звенит, весь мир – перед ним... А вышел, сделал первые, без конвоя, шаги, и понял: тихий какой-то Гимн свободе звучит у него внутри. Тихий и тревожный. Мол, не подведи. Помни, что обещал. Лучше свое отдай, но чужого не бери ни копейки. С тем и вернулся на завод. Совсем другим человеком.

